

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Заветная тетрадка
хранит уникальные
знания, за ней охотятся
многие, в том числе
и представители
нечистой силы...

Людмила ГОРЕЛИК

Сокровище кикиморы

Артефакт & Детектив

Людмила Горелик

Сокровище кикиморы

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Горелик Л. Л.

Сокровище кикиморы / Л. Л. Горелик — «Эксмо»,
2020 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-112544-8

Старую тетрадку с уникальными знаниями по физике оставил перед смертью семье Василия Летуновского беженец, спасавшийся от войны. Он просил передать ее в Академию наук, так как там содержится важная информация, которая не должна попасть к фашистам... Как поговаривают в общежитии пединститута, на преподавательницу Ольгу Семенову напала самая настоящая кикимора, представительница нечистой силы. Кикимора требовала что-то от Ольги Васильевны и, не получив желаемого, убила ее. Коллеги покойной Александр Первый и Александр Второй не верят в мифических чудовищ и решают сами разобраться в произошедшем...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-112544-8

© Горелик Л. Л., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Людмила Горелик

Сокровище кикиморы

© Горелик Л. Л., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

Беженец из Ворска

По воскресеньям Василий Павлович ходил к обедне. В нынешнем, 1942 году ему исполнилось семьдесят пять, и с самого детства всего один раз он этой привычке изменил: в двадцатом году его инфлюэнца настигла, начался сильный жар, как раз в субботу дело было. И в воскресенье в церковь не пошел – лежал в полубеспамятстве, бредил. Выжил тогда, слава богу. До революции, когда торговал, бывало, что в других городах и селах в воскресенье оказывался – там всегда находил православный храм и посещал службу. А дома всю жизнь ходил в Знаменскую церковь, что на Рубежной улице – недалеко от нее и жил. Свой дом на Дровяной улице он построил в 1907-м – купил участок не в центре, однако расположение хорошее. Когда дом был построен, женился. Взял из своей среды, купеческую дочь. Но прожил с женою недолго. Она умерла в 1912-м от родильной горячки сразу после рождения Ольги. Вторым раз Василий Павлович жениться не стал.

Летуновский был из купеческой семьи – не самой богатой, но и не бедной. Как и его родители, и как еще раньше их родители, и родители родителей до седьмого колена, он прожил жизнь в городе Б., никуда отсюда надолго не уезжал. Куда ж уедешь от такой красоты?! Две реки огибают город Б. – быстрая и неглубокая, темная от просвечивающего черноземного грунта Ворона и широкий плавный Хопер, в котором крупная рыба жерех то и дело взлетает над водой, сверкая на солнце серебряной спинкой... Густой, с мощными деревьями Теллермановский лес подходит вплотную к городу. Дубы, ясени, клены составляют основу лесного массива, некоторым дубам уж по триста лет. Бескрайние степи, плодоносные черноземные поля простираются с другой стороны города. Пшеница, кукуруза, подсолнечник, сахарная свекла – основные сельхозкультуры Б-го района.

До революции Летуновский держал маслобойню, продавал подсолнечное масло по окрестным селам и городам. А после быстро понял, что перечить новой власти никак нельзя, – одним из первых начал сотрудничать с большевиками, все отдал беспрекословно, устроился на небольшую зарплату бухгалтером в Лесной техникум. И, слава богу, жив остался, дал дочке образование, выдал замуж за хорошего человека. После математического факультета в Ворском пединституте Ольга Васильевна учительствовала в школе недалеко от дома, на той же Дровяной улице, а перед войной ее пригласили в недавно открывшийся в Б. учительский институт. Третий год там геометрию ведет. Муж ее с июля сорок первого на фронте, а Ольга с сыном живет дома, при отце.

Сейчас Василий Павлович шел в церковь. Улицы в Б. широкие, ровные, правильно выверенные еще в петровские времена, когда деревянная Б-ская крепость, защищавшая южные границы России от набегов крымцев и ногайцев, преобразовывалась в город. Здесь Петр строил русский флот, отсюда по Вороне и Хопру шли на Дон собранные из дубов, вязов и ясеней непревзойденного по красоте и мощи Теллермановского леса суда. Дома в Б. тоже прочные, преимущественно деревянные, с шатровыми щепенчатыми крышами. Ограды высокие и ворота у каждого дома двустворчатые, большие – а ну сено или дрова привезти понадобится? Цветы из-за забора золотые головы выставляют, вишни, яблони прямо на улице растут... Берите, граждане, угощайтесь!

И было на этих цветущих улицах сейчас неблагополучно. Немцы подошли к Ворску вплотную, а кто говорил, что и заняли уже левый берег. В последние дни по Б. шел нескончаемый поток беженцев. Почти все ворцы кинулись на восток, пешком шли – вокзал в Ворске сгорел. От Ворска до Б. более двухсот километров, так что приходили измученные, голодные.

Скарб свой, какой и взяли из дома, по дороге бросали. На вокзале Б-ском толпы того и гляди кассы снесут, милиция сдерживает, порядок наводит.

Знаменская церковь, куда шел Василий Павлович, расположена недалеко от вокзала, по мере приближения к ней старик видел все больше утомленных дорогой или ожиданием людей, сидящих и лежащих под уличными деревьями: преимущественно женщины, дети, старики. Кто-то из беженцев грыз зеленые горьковатые яблочки, а кто-то и спал – прислонившись к стволу случайного дерева, широко открыв пересохший рот, ухватившись во сне скрюченной, с черными от дорожной грязи ногтями рукой за свой узелок, в котором хорошо если кусок хлеба или картофелина есть...

Шла вторая неделя июля. Утром солнце еще не припекало сильно, однако все равно тепло было на улице. Василий Павлович, не низкого роста и представительный, аккуратно одетый и причесанный, с густой седоватой бородой, выглядел импозантно. В последние годы у него болели суставы, при ходьбе он был вынужден опираться на лакированную трость с набалдашником, но это еще добавляло ему представительности. Набожный старик, не привыкший ходить в церковь с пустыми руками, на этот раз взял с собой не мелочь, а несколько тонких кусочков хлеба, раздал детям возле паперти. Но подбежали еще дети – на всех не хватило! Лучшие б и вообще не раздавал, чем теперь смотрит в голодные детские глаза. Старик успокоился только во время службы: церковное пение успокаивало. Он хорошо знал службу, подпевал хору, слова молитв ему были понятны. Летуновский каждый вечер читал Библию. Любимые места отчеркивал карандашом, отмечал закладкой, перечитывал постоянно...

После окончания службы к нему подошел батюшка, отец Рафаил. Летуновский был одним из самых активных прихожан, отец Рафаил его давно и хорошо знал. Батюшка казался очень уставшим, даже растерянным. Его вид не удивил Василия Павловича, в это лето все выглядели неважно. Летуновский знал, что церковь принимает участие в помощи беженцам, и передал отцу Рафаилу небольшую сумму. На благотворительность.

– Спасибо, – поблагодарил тот. – А ведь я к вам, Василий Павлович, с просьбой обратиться хочу. Ждал вас сегодня! Посмотрите, сколько голодных, неустроенных людей вокруг! Поездов не хватает, чтобы ворцов отправлять дальше на восток в тот же день, как прибыли в Б. Да ведь и наши многие боятся, как бы немцы до нас не дошли – уезжать тоже начали. Вы не собираетесь?

– Нет, – покачал головой старик. – Я думаю, не дойдут до нас. Тут ведь и школа летчиков имени Чкалова у нас – стратегически важный объект, а не эвакуирует школу пока никто, значит, не пропустят их сюда. Да беженцы ворские рассказывают, что и сами немцы на правый берег не больно-то стремятся... Остановились на левом, дальше не пытаются идти.

Батюшка кивнул.

– Беженцев много. Хорошо, что тепло сейчас, мы разрешаем здесь, в церковном дворе, ночевать. Сена даем, постелить... Но ведь не все могут на улице спать. Есть маленькие дети, есть больные... Я к себе взял двух женщин с детьми. Им еще три дня здесь жить, только такие билеты удалось достать. А пешком с детками малыши не хочется их отправлять.

– Да! – быстро согласился Василий Павлович. Он уже понял, к чему клонит священник. – Что ж, и я могу взять одну-две семьи. Я и сам уже об этом думал. Могу выделить комнату: Ольга с Андрюшей пусть в зале ночуют, а их комнату беженцам отдадим.

Дом, когда-то построенный Летуновским, уже давно был не его. В двадцатые семью уплотнили, оставив, впрочем, старику три хорошие комнаты и кухню. Еще две комнаты (одну из них позже переделали в кухню) отдали другим людям. Там поселилась семья, переехавшая в Б. после революции из Базарного Чигорака, большого села, расположенного недалеко от города. Летуновские с «подселенцами» (так их называли в городе) не ссорились. Новые соседи оказались людьми неплохими. Старики, правда, перед войной один за другим умерли. Но их дочь

Тамара к тому времени вышла замуж, родила девочку. Тамара оказалась ровесницей Ольге, они подружились. Сейчас у обеих мужья были на фронте.

Услышав предложение старика, священник смутился еще больше, замялся.

– Видите ли, Василий Павлович, – сказал он. – Тут дело более сложное. Я взялся опекать одного человека, беженца, молодой мужчина, но очень больной. И совершенно один. Ночевать на улице ему никак нельзя из-за болезни: ночью все ж сыровато, а у него туберкулез! В госпиталь пытался его устроить – не берут, говорят, нет туберкулезного отделения, он раненых может заразить.

Василий Павлович вздрогнул: туберкулез в те годы был болезнью неизлечимой, быстро приводящей к смерти. А ведь у него тоже ребенок – внуку, сыну Ольги, всего девять лет!

Он не успел ответить, отец Рафаил остановил его:

– Я все понимаю, в дом его нельзя. К вам я обратился, потому что у вас есть летняя кухня во дворе. Нельзя ли переоборудовать ее временно во флигелек для больного? Чтоб он не на улице жил? В отдельном помещении безопасно для ваших домашних будет. Тем более семья ваша, я знаю, аккуратностью отличается, антисептику соблюдать будете! А Бог поможет! В добром деле поможет всегда! Не по-христиански больного человека на улице бросить. Что туберкулез, это он сам сказал. А ведь мог бы и не говорить. Человек, значит, порядочный. Но если считаете, что опасно, не переживайте: греха за вами в любом случае не будет – я его устрою как-нибудь иначе...

– Нет-нет, я согласен, – быстро ответил старик. – Пусть поживет в летнем флигелке. Все нормально будет. Помогать надо людям, тем более в такое время.

Глава 2

Васильев день, или Старый новый год

В 1971 году зима в Б. началась поздно. До самых ноябрьских праздников было тепло. К седьмому числу, правда, немного подморозило, снежок пошел. Бэбчане на демонстрацию надели шубы зимние, сапоги теплые. Однако рано обрадовались: заморозки быстро ушли, снег стал слякотным и растаял. По-настоящему погода наладилась только к Новому году.

Б. – город не очень большой, но знаменитый. В огромной («Три Франции! Две Германии!» – так объясняли некогда детям в школе) Ворской области город Б. наиболее культурный. Здесь есть пединститут, театр, Высшее летное училище имени Чкалова, много техникумов. И природа в Б. необыкновенно хороша: город расположен рядом с Хоперским заповедником, на слиянии двух прекрасных рек. Бэбчане своим городом гордятся.

Ольга Васильевна Семенова родилась и выросла в Б. Школу она окончила задолго до войны, получать высшее образование ей пришлось ехать в Ворск. Учительский институт в Б. основали через два года после ее возвращения, в 1940-м. С этого года Семенова и преподает геометрию в институте, уже тридцать два года нынче будет.

Встречать Новый год к Ольге Васильевне приехал сын. С внуком, с невесткой! Его отец, муж Ольги Васильевны, погиб в сорок третьем. Дедушка Василий Павлович, известный в городе человек, тоже не пережил войну – умер незадолго до Победы. Осталась тогда Ольга, в общем-то жизни не знавшая – отец да муж ограждали от невзгод, – одна с сыном-подростком. Андрею в сорок пятом было двенадцать лет. И он многое взял на себя. Руки у него оказались золотые, голова хорошая. Что починить надо в доме – от него с детства большая помощь была. Все умел. Соседи тоже чуть не с детства к Андрюшке обращались – уют, электроплитка, если перегорели... Окончив школу, Андрей поехал в Ворск получать высшее техническое образование, чтобы быть инженером. На втором курсе женился, да так в Ворске и застрял. Сейчас был главным инженером на одном из ворских заводов. Но звонил каждое воскресенье и приезжал часто.

Так что Новый год встретили хорошо. Сын с семьей уехал третьего, а четвертого Семенова вышла на работу. В январе у нее не то чтобы много занятий, но все ж экзамены, да и лекции есть у заочников.

Ольге шел шестьдесят второй год. О пенсии она подумывала, однако решила доработать до шестидесяти пяти. Обстановка на кафедре была хорошая, учебная нагрузка Ольгу Васильевну устраивала – она мало менялась в течение жизни. Ольга не имела ученой степени (никогда не стремилась к этому), но предмет свой за столько-то лет изучила прекрасно. Так что работалось ей легко.

14 января был день рождения и именины ее покойного отца. На кладбище она не поехала: там снегу много намело, и никто не чистит, не продерешься все равно к могилке. Посещение преподавателями церкви не поощрялось, могли возникнуть неприятности, поэтому Ольга Васильевна ходила туда редко. Но по такому случаю сходила – поставила свечу, заказала молебен.

Старенький отец Рафаил пел «Со святыми упокой...», махал размеренно кадиллом, поворачивался вокруг себя, тихонько напевая слова молитвы: «...идеже несть болезнь, ни печаль, ни въздыхание, но жизнь бесконечная...»

Светлая грусть наполнила сердце Ольги Васильевны. Уже не так много и ей осталось. Встретится ли она с отцом? Отец ее, Василий Павлович Летуновский, каждое воскресенье эту церковь посещал...

Ольга искренне надеялась, что он сейчас в раю.

Из церкви вернулась рано, часов в двенадцать. На улицах уже порядочно снегу навалило, и он все продолжал идти. До дома было недалеко, Ольга не успела насладиться морозным воздухом. Поэтому, войдя во двор и затворив тяжелые ворота, заходить в дом не спешила. Постояла возле крыльца.

Свой двор она любила. Здесь все было старое, но добротное. И сам дом, и флигелек-кухоньку, сейчас занесенную снегом почти по окна, еще отец строил. Меньшую часть дома занимала Тамара. Она тоже была всегда. Когда родители Тамары здесь поселились, девочки еще совсем крохами были. Подружились они быстро, да так и дружили всю жизнь.

Шел первый день старого Нового года, начинались Святки. В этот день, по славянскому преданию, бог отпускает погулять всякую нечисть: чертей, демонов, кикимор... Начинаются и колядования. В этом году Ольга на старый Новый год в гости не пошла и к себе никого звать не стала. Напраздновалась уже, когда семья сына приезжала, да и на кафедре тоже отметили хорошо. Хотелось отдохнуть от шума и гостей.

Темнеет в Б. зимой рано. В четыре часа Ольга Васильевна включила настольную лампу – бронзовую, старинную, еще отцовскую, задернула занавески. Елочку, стоящую в углу, тоже зажгла. В комнате стало уютно. Поставила в вазочке на столе конфеты, рядом, прикрыв салфеткой, тарелку с пирожками – на случай, если понадобится детей угостить. В прошлом году на Васильев день к Ольге Васильевне приходили дети из соседских домов петь колядки, для них это была веселая игра. На такие полуязыческие обряды нынче власть глаза закрывала. А детям – развлечение. Семенова детей любила, до войны ей довелось и в школе немного поработать. С соседскими детьми она дружила. Ну, если придут – есть чем угостить. А пока решила отдохнуть, посмотреть телевизор – повторяли новогодний «Голубой огонек».

Когда раздался звонок в дверь, Ольга решила, что это дети пришли петь колядки. Хорошо, что приготовила заранее подарки. Прежде чем открывать, все же выглянула в окно.

На крыльце спиной к ней стояла странная, нелепая женщина – вытертый до дыр пуховый платок, длинная темная юбка, вывернутый тулуп до колен, черная котомка через плечо. Как-то странно она была неуклюжа и сутула. И роста высокого, однако нескладная.

«Никакая не женщина, а переодетый мужчина – ряженный! – подумала Ольга. – Женщина такой страшный рваный платок да лохматый тулуп и не наденет!».

Скорее всего, кто-то из соседей или же с ее кафедры: институтская молодежь любила пошутить. Странно только, что в одиночестве явился. Ладно, главное – есть чем угостить.

«Женщина», между тем достав из котомки маску волка, стала натягивать ее. Возясь с котомкой, она повернулась к окну, и, прежде чем маска закрыла лицо, Ольга Васильевна это лицо увидела. Она немного удивилась и даже на минуту замешкалась, однако потом поправила брошку на блузке и, выдавив приветливую улыбку, пошла открывать дверь.

Глава 3

Похороны

Ольгу Васильевну хоронили семнадцатого января. Она погибла в страшный вечер Васильева дня. Обстоятельства смерти были такими диковинными, что в Б. только и говорили, что об этом убийстве. Выдвигались самые невероятные версии, вплоть до действий нечистой силы. Разные ходили разговоры.

Александр Павлович Соргин, доцент кафедры математики, на которой работала погибшая, был глубоко и искренне опечален. Он проработал вместе с Ольгой Васильевной более двадцати лет, считал ее хорошим специалистом и прекрасным, легким и добрым человеком.

Александр Николаевич Евлампиев, друг Соргина, и вовсе плакал. Он знал Ольгу с детства. Она была на пятнадцать лет старше, но они жили по соседству, у них дружили отцы. Семенова два года преподавала в школе, в которой Саша Евлампиев учился. На работу в пединститут Саша был приглашен в значительной степени по ее инициативе: в небольшом городе Б., где почти все жители между собой связаны – соседством, дружбой или родством, – вопросы трудоустройства часто так решались, «по знакомству». И это не всегда шло во вред делу. В общем, смерть Ольги Васильевны Александр Николаевич сильно переживал.

На похоронах было много народу: преподаватели института, соседи, выпускники. Сын, конечно, приехал из Ворска.

Отпевали Ольгу дома, в отсутствие посторонних (и то смело было со стороны сына – главного инженера на одном из ворских заводов, члена партии, конечно), потом гроб отвезли в институт, а уж оттуда – при большом количестве сопровождающих – на кладбище.

Прощались с Ольгой Васильевной долго: говорили речи и ректор, и Евлампиев, и многие другие. Место для могилы выбрать не пришлось. Сын сразу сказал: с дедом, конечно.

В оградке рядом со свежевыкопанной ямой было две могилы. На одной стоял большой гранитный памятник с надписью: Василий Павлович Летуновский (14.01.1867 – 03.04.1945). На другой памятник значительно скромнее: Федор Иванович Двигун (11.01.1918 – 01.08.1942).

«Муж Ольги Васильевны погиб на фронте... Кто же этот Двигун?» – размышлял Соргин. И повернулся к Саше Евлампиеву спросить.

– Это беженец из Ворска, меньше месяца у них жил, его просто из жалости приютил Василий Павлович. А он возьми и умри, – ответил Саша, угадав невысказанный вопрос друга. И они вновь начали слушать ораторов.

Выступала Марья Алексеевна Астрова, декан филфака, уверенная в себе уже немолодая дама. Сегодня она была в собольей шапке и в накинутой на пальто большой собольей горжетке – с лапами и даже с головой. Студенты звали ее Княгиня Марья Алексеевна. Говорила она громко, четко, хорошо поставленным преподавательским голосом – на лекциях на филфаке по сто человек сидят, так что голос выработался.

– Уроженка нашего города, Ольга Васильевна с первых дней основания учительского института принимала живейшее участие в его делах. Она ковала педагогические кадры Б. и в войну, и в трудные послевоенные годы. Благодаря ей и таким как она – Егору Сильвестровичу Пахомову, Петру Борисовичу Негряжскому, Людмиле Семеновне Урюпиной...

Под хорошо знакомое перечисление основателей института Соргин опять задумался: «Какое глупое преступление! Грабитель, конечно, убил Ольгу Васильевну непреднамеренно, с испугу... То, что он был в маске, может свидетельствовать о непреднамеренности убийства».

Астрову сменил Пафнутьев – старший преподаватель кафедры физики. Работает давно, но после аспирантуры так и не защитился.

– Ольга Васильевна умела привить студентам любовь к преподаванию, к науке. Она воспитала десятки и сотни учителей, многие из них вернулись работать в колхозы и совхозы Ворской, и не только, области. . . В Чигораке, Карачане, Грибановке, Ново-Хоперске и даже в Урюпинске – везде вы встретите ее учеников.

«Кажется, он зять подружки Семеновой, – думал Александр Павлович. – Он должен ее хорошо знать. Неудивительно, что пришел».

Пафнутьева уже сменил Акиньшин:

– Простая русская женщина, Ольга Васильевна несла в себе многие прекрасные черты русского народа. Среди них нужно отметить трудолюбие, отзывчивость, хорошее знание предмета преподавания. Происки врагов вырвали Ольгу Васильевну из наших рядов. Враги хотят уничтожить присущую нам духовность, навязать нам свою псевдокультуру, чуждую русской душе, но мы скажем им «нет!».

Акиньшин работал в Б. всего два года, вел марксистско-ленинскую философию. Приехал после окончания аспирантуры из Ворска, в прошлом году там же защитил кандидатскую. Странноватый какой-то.

«Похоже, дурак», – подумали одновременно Соргин и Евлампиев.

Они часто думали в унисон. Для этого им не было нужды даже переглядываться.

Познакомились они сразу после войны в Ленинграде: оба учились в Ленинградском университете. Первоначально знакомство было шапочным.

Шура Соргин учился на два курса старше, а по возрасту у них с Сашей Евлампиевым был разрыв шесть лет. Шура был ленинградец, поступил в университет еще до войны, в 1939-м. Однако окончить успел только один курс – забрали в армию. Вскоре началась война. Фронт он прошел вначале как связист, потом в разведке. Два раза был ранен, но неопасно, каждый раз возвращался в свою часть. Мать и сестры не перенесли блокаду, отец погиб еще раньше в ополчении. В 1945-м Соргин восстановился в университете, приняли на второй курс. Был старше других студентов «на отечественную войну», но такой был не он один.

Выделялся он другим. Александр Соргин был всем известен на факультете благодаря своим выдающимся математическим способностям, некоторые студенты и преподаватели считали его гением. Тем не менее учиться в аспирантуре ему не довелось.

Уже на пятом курсе, незадолго до сдачи дипломов, Шура Соргин на научной студенческой конференции сделал доклад, в котором развивал теорию криптоанализа английского математика Алана Тьюринга. Шел 1949 год. Студент Соргин был обвинен в преклонении перед западной наукой. Ему объявили выговор на комсомольском собрании. Защитить диплом ему разрешили, однако путь в аспирантуру был закрыт. Шура с этим быстро смирился, но, как оказалось, это было еще не завершение истории. Кампания против космополитизма активно развивалась, а возможно и то, что кому-то из начальства приглянулась квартира Соргина на Невском, где он жил после войны совсем один. . . В общем, еще через три месяца доклад, опирающийся на труды англичанина, вспомнили в более жестком контексте: Соргин был исключен из комсомола, объявлен «безродным космополитом» и выслан в Б.

Александр Евлампиев, будучи второкурсником, присутствовал на той студенческой научной конференции, где выпускник Соргин прочел погубивший его доклад по криптоанализу. Это были подступы к появлению компьютерных технологий.

У юного Евлампиева и других таких, как он, доклад вызвал восторг: идеи английского ученого, значительно развитые и продолженные советским студентом, открывали совершенно новые горизонты. Понятно было не все, однако Саша почувствовал значение открытия. Тем сильнее оказался шок от последующего. Комсомолец Евлампиев присутствовал и на комсомольском собрании, где Шурке Соргину объявили выговор. Голосовал как все – потому что иначе было нельзя и потому что понимал, что это не худший исход для Шуры. Однако все про-

изошедшее с выпускником дальше – его арест и ссылка – повлияло на второкурсника самым негативным образом.

Окончив университет через три года, Саша Евлампиев не захотел оставаться в Ленинграде, хотя когда-то, поступая в университет, об этом мечтал.

«Лучше жить в глухой провинции...» – подумал он и, оформившись в заочную аспирантуру, вернулся в свой родной Б.

Почти сразу его пригласили в учительский институт руководить кафедрой: в Б. было мало получивших университетское образование математиков, тем более работающих над диссертацией, а Сашу здесь хорошо помнили еще со школьных лет. В Б. ценили местные кадры.

Узнав вскоре, что Шурка Соргин отбывает ссылку в Б., Евлампиев страшно обрадовался и пригласил его работать на кафедру. В это время происходило преобразование учительского института в педагогический, остро требовались квалифицированные кадры, на этой волне Саше удалось протащить кандидатуру ссыльного Соргина. С тех пор прошло двадцать лет, их дружба не прекращалась.

С кладбища почти все присутствующие на заказанном институтом автобусе отправились на поминки.

Глава 4

Разговоры на поминках

Поминки проходили в институтской столовой – в квартире Ольги Васильевны, хотя была она немаленькая, не поместились бы. Накрывать на стол сотрудникам столовой помогали невестка Ольги, а также лаборантка кафедры математики и еще одна пожилая заплаканная женщина – Тамара Козодаева, подруга убитой. Столики соединили, поставили буквой П.

Здесь говорили более прочувствованно, чем на кладбище. Сын Ольги сидел молча. Смерть матери произошла совершенно неожиданно и, конечно, его потрясла.

В Б. было принято поминать долго. Поначалу опять говорили хорошие слова об Ольге, после нескольких рюмок заговорили о ее неожиданной гибели, начали вспоминать обстоятельства убийства. Они были известны в основном со слов соседских детей.

Придя к Ольге Васильевне колядовать, дети увидели, что дверь не заперта, слышен звук музыки (работал телевизор). Они решили, что, скорее всего, у Ольги Васильевны гости, так что колядки будут кстати, и просто вошли. Верхний свет не горел, однако в комнате было достаточно светло. Светила елочка с зажженными фонариками, включена была и настольная лампа, шел свет от телеэкрана.

Ольга Васильевна сидела в кресле, рядом стояла какая-то старуха, ряженая, и, детям показалось, обнимала ее. Они восприняли сцену как святочное действие и запели колядку. Старуха повернулась к ним (она была в маске волка) и пошла было к двери. Но вдруг резко развернулась, схватила тяжелую лампу, вырвав шнур из розетки (в комнате сразу стало темнее), и с размаху ударила тяжелой бронзовой лампой Ольгу Васильевну по голове. Детям ее неловкие, размашистые движения и сила, с которой она замахнулась лампой, показались не женскими.

Разговор теперь шел не общий. Стол был большой, и присутствующие разделились на группки. В некоторых группках вообще обсуждали свои дела: заочную сессию, погоду, новогодний «Голубой огонек»... Однако в большинстве тема убийства преобладала, слышались обрывки речи: «А что же милиция?..», «Зачем она открыла дверь незнакомой старухе в маске?..».

Княгиня Марья Алексеевна сказала громко, перекрывая ручейки разрозненных голосов: – Я вот не понимаю, за стенкой что, совсем ничего не слышно было? Или вы, Тамара, отсутствовали?

Несмотря на траур, Марья Алексеевна накинула на черное платье голубой в белый горох шелковый шарфик – она любила яркие тона и не могла без них обойтись. Говорила Астрова всегда очень громко и четко, не прислушаться к ее словам, не ответить ей было нельзя.

Услышав ее вопрос, все замолкли и повернулись к Тамаре, соседке и подруге покойной, которая только что вместе с невесткой Ольги разнесла горячее, а теперь молча сидела у края стола.

В ответ женщина подняла на Марию Алексеевну заплаканные глаза.

Большинство присутствующих мало ее знали. Коллеги Ольги смутно вспоминали, что, кажется, Ольгина соседка – теща Пафнунтьева с кафедры физики. Б. – город небольшой, здесь многие связаны родством. Соседи знали Тамару как тихую, малозаметную женщину, Ольгину подругу. Тамара давно уже была на пенсии, а раньше работала на мелькомбинате технологом.

Вопрос яркой и громкоголосой Астровой Тамару смутил.

– Слышно, конечно... стенка у нас тонкая. Но мы ведь не прислушиваемся, привыкли. Я в тот вечер одна была, телевизор смотрела, и у Ольги тоже новогодний «Голубой огонек» из-за стенки слышался. На Новый-то год мы с ней вместе были, с гостями – Андрюша вот приезжал, он не даст соврать. Весело Новый год встречали, не смотрели даже телевизор – так, вначале

включен был, но не слушал никто. Потом, после двенадцати уже, танцевали под пластинки. А в тот день, позавчера, Ольга с утра отца поминать ходила, еще сказала мне, что устала сильно за праздники, отдохнуть хочет. Ну, и я тоже отдыхала, телевизор смотрела. Как пришла эта... старуха или бандит, я не знаю, к Ольге, я не слышала: телевизор заглушал. Услышала, когда дети закричали.

Она немного помедлила и продолжила:

– Ей раньше по телефону грозили. И в дверь даже по ночам звонил какой-то двоечник отчисленный – тот самый, наверное, что по телефону. Ольга ведь принципиальная была – кто не учит, никогда тройку не поставит. Бывало, что и отчисляли студентов из-за ее предмета. Но это раньше звонил тот хулиган, весной еще. Последнее время тихо было.

– Ольга Васильевна была принципиальным педагогом, настоящим советским человеком! – вставил Дмитрий Яковлевич Акиньшин.

Он даже вскочил при Тамариных словах, расплескивающуюся рюмку высоко поднял. Ну как без кафедры марксизма-ленинизма?! Они везде самые активные.

Акиньшина тут же поддержал старейший сотрудник кафедры, ныне пенсионер, Евдоким Иосифович Карачун. В городе его помнили еще по «тройкам» середины тридцатых. Многих он тогда на тот свет отправил. Город Б. небольшой, здесь все знали – что, где и когда.

Бэбчане с не до конца выветрившимся и до сей поры ужасом показывали вновь приезжим дома, где заседали «тройки»: расстреливали тут же, в подвалах. Впрочем, теперь в домах были магазины или даже обыкновенные квартиры.

Почти восьмидесятилетний ветеран Карачун и сейчас выступал с позиций идейного, сталинского толка, коммунизма. По старой памяти его побаивались, хотя он был уже пенсионер, два года назад вышел на пенсию. Изрядно пьяный, он попытался встать, но не смог. Однако рюмку держал крепко.

– Предлагаю выпить за принципиальность Ольги Васильевны, за ее преданность коммунистической идее процветания. Когда мы только начинали с Ольгой... когда вместе закладывали основы нашего прекрасного будущего (он всегда так произносил), еще до войны и, когда в эвакуации были... я в Ташкенте трудился для нашей победы, а Ольга, кажется, здесь... И после войны тоже – нам приходилось бороться с многоголовой камарильей заклятых врагов: с заразой реваншизма, гидрой империализма, проискарами антисоветизма, кликой мирового сионизма и...и...ик!

Пьяненький Карачун не смог закончить тост: икота сразила его. Он действительно работал в институте со дня основания. Во время войны, правда, эвакуировался, жил в Ташкенте, но уже в сорок четвертом вернулся. Всегда отличался знанием конъюнктуры и потому был влиятелен. Говорить он умел, только как привык на лекциях – штампами, и то не всегда получалось. А выпить любил, особенно за чужой счет. Сейчас, в середине поминок, уже лыка не вязал.

Акиньшин, все время кивавший во время речи старейшины, подобострастно налил ему стакан воды.

В институте все знали, что это ветеран Карачун добился приглашения Акиньшина на кафедру. Они случайно встретились в Ворске на областной партийной конференции и понравились друг другу. Дмитрий Яковлевич тогда оканчивал аспирантуру, в Ворске его не оставляли, он искал работу в вузе. А Карачун как раз уходил на пенсию и уговорил ректора взять Акиньшина на свое место. Тем более тот твердо пообещал через год защитить кандидатскую. Научные кадры в Б. ценились высоко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.